

12+

L. Sundri

Следующая станция «Сокольники»

Случайная встреча в метро

L. Sundri
Следующая станция
«Сокольники»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66546234
SelfPub; 2021*

Аннотация

Однажды в столичной подземке. Поездка в метро вечером воскресенья: рутинное путешествие общественным транспортом или романтическое знакомство или обман или что-то еще. Кольцо или радиальная? Ты пассажир, тебе и решать...

L. Sundri

Следующая станция «Сокольники»

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Сокольники». Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои вещи». Двери дернулись, но перед тем как сомкнулись, в вагон влетела мужская фигура. Переведя дух, парень метнулся назад – вперёд, мест свободных полно, садись, куда хочешь, воскресенье, половина десятого, вечер.

Но захотелось рядом с ней, с той, что сидела по центру, прикрыв глаза. Немаркий пуховик, вязанная шапочка в тон, черные джинсы, черные «мартенсы». Дать полиции ориентировку на такую, вовек не найдут. Из ушей в карман тянулись белые проводки наушников.

Он плюхнулся рядом и нарочито повернулся к ней всем телом. Она не отреагировала. Может, принципиально, а может, действительно не заметила – из наушников доносилась музыка.

Он протянул руку и помахал перед ее лицом. Реакции не последовало. Тогда он осторожно выдернул один наушник из ее уха и вставил в своё. Dereche Mode пел про то, что всё, что ты когда-либо хотел, в чем нуждался – здесь, в твоих руках. Она очнулась и, опешив, не успела даже возмутиться,

как он вскочил перед ней на ноги и запел, подпевая Дейву Гэхану, оставшемуся в другом наушнике в ее ухе.

Она приснула. Этот чудик энергично размахивал руками, многозначительно двигал бровями, как в немом кино и под конец громогласно, перекрывая грохот в поезде, призвал ее с чудовищным акцентом насладиться тишиной: «Энджой зе сайленс!». Немногочисленные пассажиры остались индифферентны, только несколько покосились – ещё один городской сумасшедший в метро. Она вытащила из кармана пуховика айфон нажала «стоп» и уставилась на него вопрошающе.

– Не возражаете, если присяду? – он кивнул на сиденье, с которого встал меньше минуты назад.

– Если скажу «нельзя», не сядете?

Он ждал ответа.

– Это общественное место, садитесь, где хотите, – она поймала болтающийся наушник и вставила в ухо.

Он сел, эффектно закинул ногу за ногу, под задернувшейся штаниной джинсов показался ярко-желтый носок в красный горячий чилийский перчик, на одном из которых красовалась дыра.

– Ой... – парень сконфуженно одернул штанину. – Ну да ладно, продолжаем разговор! Так значит, вы едете домой от бабушки! – он заглянул в шоппер, стоящий на полу между ее ногами. В сумке виделась горка контейнеров с едой.

– С чего это?

– Попал? Попал! Потому что вы не похожи на бабушку, которая везёт внучке обедов на неделю.

– Может, любимому человеку везу?

– Нет у вас никакого молодого человека.

– Хамите?

– Упаси боже! Просто констатирую...

– Констатирую...

– И это тоже! Если бы я был на вашем месте и с молодым человеком, нашел бы чем заняться в такое время.

– Ну так заведите своего.

– Засчитано, – он покачал головой, как качает искушенный знаток элитных вин, пригубив какое-нибудь «шато» бордатого года.

Образовалась пауза. Поезд проехал «Сокольники» и приближался к «Красносельской». Она полезла в телефон, как бы давая понять, что игра закончена с равным счетом, никаких пенальти.

– А знаете, Вы мне сразу приглянусь! – зашел он с другого фланга. – Глаза у вас...

– Красивые? – с ноткой раздражения поинтересовалась она.

Он отрицательно покачал головой:

– Бровей мало. Сейчас это редкость.

– Спорный комплимент!

– Я вообще парадоксальный малый! – загадочно улыбнулся он и по театральному заиграл бровями. Она впервые по-

внимательнее присмотрелась к нему. Лицо его было ничем не примечательно: без четко очерченных скул или волевого подбородка – просто круглое, с немного курносым носом, глубоко посаженными рыжими глазами. Разве что у подбородка виднелся едва заметный шрам. Коротко стриженный, одетый в полупальто, которое ему было тесновато. Грубоватые руки, а под ногтями грязь.

– Не, я не то что бы работяга какой, – он поймал ее взгляд. – Я, считайте, финансист. Венчурный.

– Венчурный? – она усмехнулась. – Венчурное финансирование – это высокорисковые инвестиции в высокотехнологичные перспективные компании. Если мне память не изменяет. Вы в какие технологии вкладываетесь?

Поезд подъехал к «Комсомольской». Он заерзал, было видно, что он принимает решение, но когда двери захлопнулись, облегченно вздохнул:

– Банковские... Ну, не совсем банковские... Кредитные карты, – было видно, что он подыскивает правильное слово.

– Подделывали?

– В кругах, которым не так давно я был близок, это называлось «незаконное изготовление, сбыт и подделка банковских пластиковых карт».

Она как бы уважительно покачала головой.

– ... до семи лет, – он скрестил указательный и средний пальцы правой и левой руки, изображая решетку.

– Впечатляющий хэштэг, – усмехнулась она, оценив кон-

фигурацию, а он стыдливо вжал грязные ногти в кулаки.

– А чернозем у меня, это я копал сегодня.

– Очевидно, могилу для конкурентов?

– Нет, у товарища кот помер, помогал хоронить. Сфинкса, очень старого, лет 20 ему было.

– Кошки столько не живут. Вы свой срок из его возраста вычли? На зоне год за два, так говорят? – она сунула телефон в рюкзак, надежда на поездку в одиночестве иссякла.

– А Вы язвительная. Мне это нравится... Зигмунда жалко, конечно.

– Да, тяжелая судьба у Фрейда была.

– Зигмунд – это кот. Он знаете, как Макса любил?

– А Макс – это ваш поделльник?

– Нет, Макс – это мой друг закадычный, мы с ним в театальной школе учились... Так вот Зигги, когда помоложе был, на даче летом для Макса воровал из магазина еду. Тому некогда было, весь в искусстве! Особенно с вечера... Бывало, притащит Зигги курицу, сам не ест. Макс у кровати положит и сидит, караулит, когда тот глаза открыть соизволит, – он изобразил неподвижного сфинкса, сидящего в ожидании пробуждения хозяина. И неожиданно чихнул. Она не выдержала и рассмеялась.

– Только однажды Зигмунда выследили, выставили Максу счет за ворованную курятину. Так ведь он ее не ел! Кот, пока ее приносил, в грязи всю изваляет, никакого аппетита!

Поезд тем временем они проехали «Красные ворота»

и уже подъезжали к «Чистым прудам».

– Эх, моя любимая станция! – с нотками ностальгии воскликнул он.

– Романтика?

– Не, какая романтика! Я же в театре служил!

– Неужели в «Современнике»?

– Не верите?

– А стОит?

Он поднялся, схватился за вертикальный поручень, подался всем телом вперед, как революционер с фонарного столба, и, нарочито артикулируя, прочел, перекрикивая шум поезда:

– Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук. Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок!.. Карету мне, карету!

Он выдохнул и опустился обратно на сиденье рядом с ней.

– Bravo. Только не знала, что у Хаматова и Стебунова был такой напористый дублер.

– Ну что вы! Я машинистом сцены работал. Но недолго...

– Видимо, венчурное финансирование засосало?

– Эх! – он махнул рукой и отвернулся.

Поезд остановился на «Лубянке». Он как ни в чем не бывало полюбопытствовал:

– Как думаете, Железный вернется на своё место?

– Если франшизу продлят, а Дауни – младший подпишет контракт. Или вы про Феликса?

– ... или волшебник Гудвин даст ему человеческое сердце, – задумчиво произнес он.

– Это навряд ли. Мне выходить сейчас, – она встала, накинула на плечо рюкзак, взяла с пола шоппер и направилась к дверям.

– Какое совпадение! Мне тоже!

– Всё вы врете!

– Вру. Мне вообще-то на кольцо надо было ... Но ничего, я никуда не спешу, я как Пятачок – до пятницы совершенно свободен, – произнес он мультяшным голосом и своим добавил. – Давайте уже вашу сумку. Раз уж я вас сопровождаю. Она сделала круглые глаза, но тот решительно взял из ее рук шоппер.

– Мне на переход, – сказала она и пошла в сторону к эскалаторам к Большому театру.

– А вы москвичка. Приезжие делают переход в центре зала, где написано, что переход.

– Так ведь там пешком идти надо, а тут лесенка-чудесенка везет наверх.

– Так на чем мы остановились?

– Что вы ушли из театра – променяли Мельпомену на Золотого тельца.

– А вы неглупая. Это тоже редкость.

– Но конечно, не такая как брови.

– На самом деле я бы мог и не машинистом. У меня и образование есть, и талант, как видите. Видите? Я бы и в опере

мог петь! Да хоть вон там! – он кивнул в указатель выхода к Большому театру. – Что наша жиинииииизнь? Икрррра! Сегодня тыыыыы, а завтра яяяяя!

Его вполне себе оперный тенор рассыпался под куполом станции у эскалаторов к Театральной.

– Мы с Максом хотели шоу-группу сделать: классические оперные партии с гитарами, басами, электроникой, чтобы всё в огне, цветомузыка.

– Что же вас остановило?

– Сестра. Она замуж за итальянца вышла, ей нужна была помощь.

– Мафия?

– Почему сразу «мафия»? У них виноградники. Были.

– Так вы еще и винодел...

Они сели в поезд в сторону «Речного». Здесь в вагоне пассажиров тоже было негусто.

– Ну как винодел... Фильм с Челентано, где он давит ногами виноград в бочке смотрели?

– «Укрощение строптивого»?

– Наверное. Такое. Только мне пришлось оттуда бежать.

– Неужели не мафия?

– Если бы! У старшего брата мужа было красавица-дочь.

Ну, как красавица. Юная просто. Влюбилась в меня по уши. А я что? Я же слабовольный, слабохарактерный. Ну как горячей девушке откажешь? Вот папаша ее и разозлился. Хотел меня застрелить. И застрелил бы. Только я везунчик. Ру-

жье его хранилось в сейфе, а он шифр забыл от чуйств. Была фора у меня смотаться подальше. Так что в Италию я больше не ездук.

– Прямо как Чацкий в Москву...

– У нее вообще-то жених был. Отец выбрал достойного. А тут я такой – бонджорно, синьорина! Мы бандито, гангстерито, мы кастето – пистолето, мы стрелянто, убиванто, украданто то и это... – он опять вскочил с сиденья и запел, пародируя героев мультика про приключения капитана Врунгеля, затем раскланялся и, взяв ее руку, галантно приложился губами.

Тут уж она не смогла сдержаться и рассмеялась. Его лицо уже не казалось ей таким простецким. Она смотрела на него и силилась понять, сколько все же ему лет. Вел он себя достаточно раскрепощенно, развязано, мужчины за тридцать так себя редко ведут. Но тому количеству событий, которые он вместил в свой монолог, требовались годы в рамках человеческой жизни. Да и морщинки, глубоко прорезавшие его лицо у слегка опущенных кончиков глаз, говорили о долгих годах, полных сильных эмоций.

Они проехали «Маяковскую», подъезжали к «Белорусской».

– У вас есть шанс всё же попасть на кольцо, – напомнила она.

– Нет уж! Гусары на полпути не останавливаются... А что вы все время молчите! Смотрите, сколько я вам всего набол-

тал. А Вы?

– Я лучше воздержусь.

– Бойтесь меня? Думаете, я маньяк какой-то или вообще придурок?

– Нет, не думаю. Это мой стиль – больше молчать.

– Стиль – быть грустной?

– Я не грустная. Я серьезная. И уставшая.

– Только грустные люди в воскресенье вечером уставшие.

– Значит, вы точно не уставший.

– Как знать...

Поезд остановился на станции «Динамо».

– Никогда не понимал этого: как можно было так станцию назвать? В честь девушек, которые пудрят ребятам мозги и сливаются?

– Нет, это в честь физкультурно-спортивного общества. Было создано в двадцатых годах прошлого века. Тогда для девушек считалось не комильфо динамить – был популярен лозунг «Долой стыд!». Каждая честная комсомолка...

– Золотые времена! – воскликнул он и осекся.

– Молодых людей это тоже, кстати, касалось! – засмеялась она.

– Ну а вот еще одна странность: почему станция «Аэропорт», а аэропорта тут никакого нет?!

– Зато Аэровокзал был.

– Две большие разницы, как говорил моя дядя Жора.

– Из Одессы?

– Из Архангельска.

– Широкая у вас семейная география!

– И не только семейная. Я же по молодости матросом работал. На трейлере ходил в океан. Нефть...

– Может, танкере?

Он задумался. Она не была уверена, о чем – то ли о голубом океане, то ли о том, что заврался уже по самые не балуясь и надо как-то вырुливать на сушу из пучины собственных фантазий.

Они помолчали. Миновали «Сокол», проехали «Войковскую». Краем глаза она видела, как на его лице проигрываются варианты того, чем может продолжиться эта встреча: ничем или продолжением? А вот и «Водный стадион»...

Они вышли на станцию. Приближалась развязка.

– Ну всё, дальше мне нельзя, – он виновато протянул ей шоппер.

– Совесть не велит?

– Если пойду, нарвусь на приключения. А мне на сегодня их достаточно: от полиции удрал, с другом выпил, с красивой девушкой познакомился.

– Кота похоронил.

– Похоронил...

В его янтарно-медовых зрачках все так же смеялись искорки.

Возникла пауза. «Дать ему телефон что ли? С ним хотя бы будет весело», – подумала она.

– Нет, запишите мой! – он как будто прочел ее мысли.

– Ну вот, я уже телефон далеко убрала... – она поставила шоппер на пол, открыла рюкзак, телефон к этому моменту уже благополучно провалился в его бездонные недра. Сверху оказалась тетрадь с пристёгнутый к ней за колпачок ручкой.

– Давайте аналогово, – усмехнулась она.

Он кивнул, взял тетрадь, ручку и взглянул на неё, как маститый писатель смотрит на читателя, протянувшего за автографом свежий экземпляр его очередной нетленки.

И вдруг улыбка сползла с его губ. Искры в глазах заледенели. Он открыл тетрадь где-то посередине, не глядя записал номер.

– Что-то цифр многовато, – удивилась она.

– Это код. У меня СПИД. Позвоните сестре, – он резко захлопнул тетрадь, сунул ей руки, развернулся и, не оборачиваясь, быстро пошёл в противоположную сторону платформы, к которой подъезжал поезд в сторону центра. Она застыла, как сталактит, провожая взглядом его спину, вскоре скрывшуюся в вагоне. Двери захлопнулись и поезд двинулся в туннель.

А она постояла в оцепенении еще какое-то время. Открыла тетрадь. На странице нервным почерком был выведен номер. 8 39 541... это был действительно код Италии, Римини. Она набирала такой однажды, когда звонила в отель в отпуске. Остальные цифры наехали на кривую распределения Гаусса, которую она срисовала в субботу со слайда на лек-

ции по статистике.

И тут она расплакалась, как обычно бывает с детьми, когда они не могут определиться: то ли поверить Деду Морозу и получить подарочек, то ли дернуть за ватную бороду, уличив дядю Васю во обмане. Она стояла и плакала и зачем-то яростно вытирала о пуховик ладонь, которую он картинно поцеловал еще четверть часа назад.

Наконец, она успокоилась, захлопнула тетрадь, сунула её в шоппер и, накинув рюкзак на плечо, пошла к эскалаторам вверх под голос, объявляющий из очередного поезда: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция “Речной вокзал”».